

вания социально-экономических отношений. Что касается самого перевода, то он в целом неудачен, его неточности весьма значительны.

В апреле 1059 г., т. е. во время составления завещания, из одиннадцати некогда принадлежавших Воиле селений у него оставалось лишь четыре, которые он перечисляет несколько раз, а именно: селения Тандзути (иначе называемое Салим или Дзалима), Вузина, Паравунион и Исаии. Говоря об оставленном им своей дочери Ирине приданом, Воила пишет: *Τὰ δὲ καταλειφθέντα μοι κτήματα καὶ προάστεια τέσσαρα τὸ μὲν Ταντζούτην ἦτοι τοῦ Σαλήμ σὺν τοῖς ὄρειναῖς δέδωκα εἰς προῖκαν τὴν πρώτην καὶ γνησίαν μου θυγατέραν Εἰρήνην καὶ τὸν σύνευνον αὐτῆς.*

Это важное предложение В. М. Левченко перевел: «Оставленные мне четыре имения и усадьбу Талмути и Салим с горными участками я дал в приданое первой и законной моей дочери Ирине и ее мужу».

Из этого перевода следует, что Воила отдал в приданое своей первой дочери и ее мужу шесть селений. В действительности речь идет только об одном. Воила, во-первых, говорит не об «оставленных ему», а об «оставшихся у него» селениях; во-вторых, он пишет не о четырех селениях, а об одном из четырех; в-третьих, «Салим» — это не отдельное селение, а, как уже говорилось выше, лишь другое наименование того же селения Тандзути.

Несколько раз Воила отмечает, что имения, которые принадлежали ему в Кларджии, он получил (*παρέλαβεν*), разумеется, от византийского императора — факт, весьма важный для уяснения политики Византии в занятых ею областях. Политика эта заключалась в переселении в завоеванные районы византийских феодалов из различных областей империи. М. В. Левченко всюду перевел этот глагол словами «я занял», хотя ни одно значение этого русского слова не соответствует греческому *παρέλαβεν*.

Как видно из завещания, Воила был в очень плохих отношениях с дядкой Михаилом и с сыном последнего магистром Василием, в зависимости от которых находились его имения. Говоря об их подстрекательствах, Воила пишет: *τὴν τοῦ ἀλαθῆτου ὀφθαλμοῦ ἐκδεχόμενος ἀμοιβὴν οὐδὲν περὶ τούτου ἰλογύισα, т. е. что он, получая помощь всевидящего ока, не растерялся. У М. В. Левченко это место переведено: «но призываю всевидящее око, что не получил за это никакой награды». Неясно, о какой же награде Воила мог писать в данном месте? Перевод, по нашему мнению, неверен.*

Воила имел рабов: некоторых он купил за деньги (*ὠνητοί*), другие родились от принадлежавших ему рабынь (*οἰκογενεῖς*). Воила пишет: *ὅσα δὲ παῖδια γένωνται ἀρρενικὰ ἐκ τῶν οἰκογενῶν καὶ ὠνητῶν ἀπελευθέρων μου, ἵνα ἀνατρέφονται εἰς τὸν τῆς θεοτόκου ναόν.*

Слова *οἰκογενῶν* и *ὠνητῶν ἀπελευθέρων* М. В. Левченко переводит неточно: «если у освобожденных рабов».

В завещании написано: *τὰ δὲ περιττεύοντα εἰς τοὺς ἀδελφοὺς καὶ αὐθέντας μου τοὺς πένητας διανεμηθῶσιν κτηνὰ δὲ καὶ ἕτερα πράγματα κινητὰ τε καὶ ἐκίνητα, εἴ τι ἂν μου εὐρεθῶσιν, ἵνα διανεμηθῶσιν εἰς συγγενεῖς μου καὶ τοὺς εὐρεθέντας οἰκείους μου.*

М. В. Левченко перевел: «оставшееся пусть будет распределено между бедняками — моими братьями и господами, и находящимися там рабами», пропустив целое предложение греческого текста; *εὐρεθέντας* переведено при этом «находящимися там» (неизвестно где!), *οἰκείους* понято, по всей вероятности, как синоним *οἰκετικός* и передано словом «рабы». Но *οἰκεῖος* означает не раба, а близкого человека, родственника и т. п. Как видно из завещания, Воила приказывает поделить неведомое читателям документа «оставшееся» между бедняками, которых он лицемерно называет своими «братьями» и «господами»; реально же существующее у него и перечисляе-